

МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУРНЫХ МИРОВ И ВЫЗОВЫ УНИВЕРСАЛИЗМА

А.М. Медушевский

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ И СМЫСЛ СУЩЕСТВОВАНИЯ В НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ (Презентация книг О.М. Медушевской)

Возможности и пределы диалога культур определяются изменением социальных отношений и взаимодействий, эмпирической базой исследований, принятыми познавательными методами. В гуманитарном познании XX в. констатируются трудности, связанные как с отсутствием теории, адекватной современному состоянию науки, так и с отсутствием четких понятий, которыми могли бы оперировать разные области знаний. Основная причина этих трудностей – несоответствие традиционных методов познания новой социальной реальности. Наряду с этим в российском гуманитарном познании XX в. существовал ряд специфических трудностей, связанных с господством однопартийной диктатуры, навязанной марксистской идеологией, разрывом преемственности по отношению к дореволюционной академической традиции, длительным периодом изоляции гуманитарной мысли и высшей школы от мировой науки.

Исправить ситуацию в гуманитарном познании призваны серии научных публикаций ИНИОН РАН (Центр гуманитарных научно-информационных исследований), последовательно реализованные на рубеже XX–XXI вв., – «Культурология. XX в.», «Лики культуры», «Книга света», «Summa culturologiae», «Зерно вечности», «Письмена времени», «Humanitas», «Российские Пропилеи»¹.

¹ Выставка «Культурология и философия: Двадцать лет сериальных изданий ИНИОН РАН» / Отв. ред. и сост. Левит С.Я. / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – 116 с.

Их инициатором, главным редактором и автором проекта выступила С.Я. Левит, огромный личный опыт, знания и энтузиазм которой позволили не только определить стратегию публикаторской работы, но и собрать блестящий круг авторов, переводчиков и издателей для решения этой задачи. За короткое время небольшой группе интеллектуалов удалось осуществить работу, достойную крупного научного института и издательства: были подготовлены к печати, переведены, комментированы и изданы более 300 книг русских и иностранных авторов, большинство из которых ранее не могли появиться на русском языке по идеологическим и цензурным причинам и впервые вводились в научный оборот российского профессионального сообщества. Книги, выпущенные под редакцией С.Я. Левит, привлекают внимание читателей содержательной глубиной, высоким академическим уровнем изданий, а также неизменным изяществом оформления. Хотелось бы подчеркнуть необходимость продолжения этой работы и поддерживать Светлану Яковлевну во всех будущих начинаниях. Эта работа достойна тем большего уважения, что велась в непростых условиях неустанного поиска финансирования, постоянного срыва контрактов со стороны ряда издательств. Можно констатировать, что появление этих серий и всего корпуса опубликованных книг и источников стало не только «жизненным проектом» его инициатора, но и вкладом в российскую культуру, существенно изменившим общую ситуацию в российском гуманитарном познании и образовании.

Представленные серии решают ряд общих проблем российского гуманитарного образования: во-первых, полноценно вводя западную классику в русскую общественную мысль, во-вторых, преодолевая культурный разрыв, возникший за 70-летний период изоляции России от мировых культурных и научных центров, в-третьих, предлагая сообществу новые идеи российских ученых, которые в трудных цензурных условиях занимались наукой, создали свои труды и школы. Одним из наиболее значимых направлений публикаторской деятельности стало издание трудов по философии и теории культуры западных мыслителей – Г. Гегеля, И.Г. Гердера, В. Дильтея, В. Виндельбанда, М. Вебера, Г. Зиммеля, Э. Кассирера, К. Ясперса, М. Шелера и А. Шюца, книг по методологии истории и антропологии Р. Арона, Ф. Мейнеке, К. Манхейма, Я. Буркхардта, А. Кребера, М. Фуко, К. Леви-Строса, П. Рикёра

и других, многих русских авторов, начиная от Г. Шпета и М. Бахтина и заканчивая трудами Г.С. Померанца.

В этом ряду очень важное значение имеет публикация в рамках указанных серий трудов выдающегося российского ученого, проф. О.М. Медушевской (1922–2007), значение которых определяется, во-первых, оригинальностью созданной ею новой парадигмы когнитивной истории, во-вторых, разработкой с этих позиций вопросов методологии исторического познания, прежде всего проблем теоретического и конкретного источниковедения, в-третьих, применением этих методов в культурной антропологии, исторической географии и педагогической практике. Теория и методология когнитивной истории стала результатом научного синтеза ряда новых и вполне традиционных направлений гуманитарного знания – информатики и так называемых когнитивных наук (изучающих человеческое мышление), с одной стороны, историографии, источниковедения, структурной лингвистики, антропологии – с другой. Речь идет о новом синтезе теории информации и методологии классического источниковедения, получившего особое развитие в России XX в. Результатом этой деятельности стало создание полноценных научных ориентиров для постсоветской философии истории, формирование научной школы теоретического источниковедения, получившей мировое признание, сохранение и развитие научных традиций дореволюционной академической науки на современном этапе.

Эти ключевые направления деятельности О.М. Медушевской представлены в опубликованных в настоящее время трех книгах: «Теория и методология когнитивной истории» (М., 2008), в которой последовательно раскрывается существо данного философского подхода к изучению прошлого¹; «Теория исторического познания: Избранные произведения» (СПб., 2010), в которой представлен генезис основных категорий исторического познания и дается их критический анализ с позиций исторической антропологии, источниковедения и педагогической практики²; «Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды» (М.; СПб., 2013), где на

¹ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. – М.: РГГУ, 2008. – 358 с.

² Медушевская О.М. Теория исторического познания: Избранные произведения. – СПб.: Университетская книга, 2010. – 572 с. – (Серия: «Российские Пропилеи»).

большом эмпирическом материале раскрываются формирование представлений о пространстве и времени в различные периоды истории, отражение их в источниках, способы реконструкции этих представлений в современной науке¹. Последние два труда изданы в рамках наиболее престижных серий – «Humanitas» и «Российские Пропилеи», что подчеркивает вклад мыслителя в мировую и российскую науку.

Для гуманитарного познания чрезвычайно важен точный диагноз познавательной ситуации. Три основные проблемы приобрели ключевое значение в Новейшее время: глобализация, информатизация и познание «другого», т.е. мотивация поведения индивида, картина мира которого отличается от установившихся стереотипов данной цивилизации. Первый из этих процессов – глобализация – привел к разрушению устойчивых исторически сформировавшихся границ культурной и национальной идентичности, а его следствием стало крушение европоцентризма как доминирующего подхода гуманитарных наук и связанных с ним иерархических приоритетов (постепенное осознание этого процесса проходило по мере расширения контактов с обществами, ранее находившимися на периферии магистрального пути мирового развития). Второй процесс – информатизация (рост объема информации и скорости ее распространения в результате появления новых технологий) – уже к середине XX в. привел к крушению линейной модели истории (поскольку стал возможен непосредственный обмен информацией между представителями разных культур вне учета их исторического генезиса). Третий процесс – познания «другого» – связан с необходимостью восприятия чужой культуры, мотивации поведения (человеческой одушевленности) и ее интерпретации в нейтральных научных понятиях (т.е. таких, которые не были бы перенесены автоматически из одной культуры в другую как эталон для сравнения).

Общим результатом этих процессов, считала О.М. Медушевская, стал *кризис традиционной*, восходящей к метафизическим и эволюционистским философским доктринам XIX в. *методологии гуманитарного познания*. Он проявился в отказе от системности

¹ Медушевская О.М. Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 463 с. – (Серия «Humanitas»).

концепции мировой истории, в отрицании за историей звания полноценной науки (известное противопоставление наук о природе и наук о духе, выдвинутое в германской неокантианской философии истории начала XX в.), в отрицании сравнительного метода как способа познания общественных закономерностей и явлений (как идиографических – неповторимых и уникальных), наконец, в отсутствии единых критериев доказательности в гуманитарном познании. Это привело многих современных исследователей к выводу о невозможности исторического познания в принципе или, во всяком случае, невозможности такого познания как строго научного.

Диалог культур предполагает обращение к истории как науке, но последняя нуждается в радикальном изменении методов познания и повышении доказательности и сравнимости выводов. История, как показала О.М. Медушевская, может быть наукой в том случае, если имеет реальный, доступный для повторных интерпретаций и, следовательно, стабильно существующий объект; опирается на данные такого объекта, который охватывал бы человечество в целом (исторический процесс); этот объект должен отвечать главному условию, т.е. выражать системообразующее свойство феномена человека. Эти три параметра присутствуют в *новой теории когнитивной истории*, которая видит решение проблемы доказательности в изучении целенаправленного человеческого поведения. Развиваясь в эмпирической реальности, данное поведение неизбежно сопровождается фиксацией результатов исследования, созданием интеллектуальных продуктов. Эти последние и становятся отправной точкой доказательного исторического познания, возможного на основе методов классического источниковедения.

Таким образом, когнитивная история в широком смысле есть наука о культуре – человеческом мышлении, которое проявляет себя созданием интеллектуального продукта вовне, созданием информационного продукта своей целенаправленной деятельности (с позиций исторической науки он выступает в качестве исторического источника, содержащего намеренно заложенную создателем и ненамеренную информацию). Диалог культур не может обойти проблему качества информации. Информационные технологии изменили восприятие мира, став между исследователем и историческим источником: это привело, с одной стороны, к быстрому неконтролируемому увеличению объема информационного ресурса,

с другой – резко снизило качество информации (которая часто не подвергается необходимой критической проверке и в возрастающей степени становится объектом манипулирования). Это актуализирует новую интерпретацию методов критического анализа информации и вообще теоретического источниковедения применительно к современной эпохе. Именно разработка теории и методов работы с информацией будет в дальнейшем определять качество и достоверность информационного ресурса научных исследований, селекцию отбираемых источников и направления их классификации, а следовательно, и степень адекватности научных представлений. Несомненным приоритетом современной теории и методологии истории становится продвижение к исторической аналитике доказательного и точного знания.

На этой теоретической основе (методов когнитивных наук) возможно расширение границ диалога культур при решении следующих аналитических задач: определение критериев достоверности научного знания как центральная проблема методологии и теории истории и источниковедения; выработка на этой основе отношения к различным направлениям и школам в современной теории исторического познания; изменение баланса междисциплинарных отношений исторической науки; выяснение инновационной составляющей социологических, правовых, экономических и антропологических подходов для решения задач исторической науки. Смена парадигм (переход от нарративизма к когнитивной истории) ставит научное сообщество перед вполне реальной дилеммой: понимание истории как строгой и точной науки (и тогда сохраняет значение разработка методов критической проверки данных и установление критериев доказательности выводов) или восприятие ее как одной из разновидностей искусства (субъективного конструирования реальности), т.е. следование релятивистским установкам, размывающим научные методы (представленным в учениях постмодернистов, сторонников деконструктивизма, герменевтики или их последователей). Определение позиции исследователем зависит от ряда внешних факторов, выявляемых социологией науки, но в то же время диктуется осознанным нравственным и интеллектуальным выбором.

Теория и методология когнитивной истории, представленная в трудах О.М. Медушевской, сыграла, по общему признанию, фундаментальную роль в методологической переориентации всей

постсоветской историографии¹. В многочисленных комментариях отмечалось, что концепция когнитивной истории представляет собой новую парадигму, способную преодолеть существующие методологические противоречия, вывести исследователей на новый междисциплинарный синтез, открыть перспективы формирования доказательного гуманитарного знания и добиться создания непротиворечивой картины российского исторического процесса². Данная теория определила общее направление дискуссий о содержании методологии истории в современной России³. Речь идет о появлении наукоучения, способного стать полноценным ориентиром для всех гуманитарных дисциплин, а главное – обеспечить доказательные критерии проверки достоверности получаемого знания, превратив историю в строгую и точную науку⁴.

Формирование картины мира в процессе информационного обмена включает конструирование категорий пространства и времени, фреймов восприятия, а также их фиксации в понятиях и материальных формах. Пространство и время выступают как всеобщие формы бытия. Предметом изучения с этих позиций становятся

¹ См.: Круглый стол по книге: *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории // *Российская история*. – М., 2010. – № 1. – С. 131–166.

² См.: новейшие рецензии на книги О.М. Медушевской: *Шелохаев В.В.* // *Вопросы истории*. – М., 2010. – № 12. – С. 163–164; *Сабенникова И.В.* // *Российская история*. – М., 2009. – № 2. – С. 162–165 и 2011. – № 1. – С. 205–207; *Миронов Б.Н.* Новая апология истории (размышления над книгой О.М. Медушевской) // *Общественные науки и современность*. – М., 2011. – № 1. – С. 139–148.

³ Подробнее см.: *Медушевский А.Н.* Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // *Российская история*. – М., 2009. – № 4. – С. 3–22; *Медушевский А.Н.* Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // *Вопросы философии*. – М., 2009. – № 10. – С. 70–92; *Медушевский А.Н.* Когнитивно-информационная теория в философии, истории и антропологии // *Человек: Образ и сущность. Когнитология и гуманитарное знание: Ежегодник*. – М., 2010. – С. 226–250.

⁴ Знание о прошлом в современной культуре: Круглый стол // *Вопросы философии*. – М., 2011. – № 8. – С. 3–45; *Строгая и точная наука: Беседа с главным редактором журнала «Российская история»* // *История*. – М., 2011. – № 16 (ноябрь). – С. 32–35; *Сабенникова И.В.* Презентация книги О.М. Медушевской «Теория исторического познания». – СПб.: Университетская книга, 2010. – 572 с. – (Серия «Российские Пропилеи») // *Вестник архивиста*. – М., 2010. – № 3. – С. 303–311; *Мастера русской историографии: Ольга Михайловна Медушевская: Фотолетопись* // *Исторический архив*. – М., 2010. – № 3. – С. 112–127.

протяженность пространства и его метрические свойства, выражающие особенности связей структурных элементов; реальность трехмерного пространства; развертывание человеческой деятельности в условиях реального пространства и времени. Пространственно-временные координаты источника, считала О.М. Медушевская, необходимы историку-источниковеду как определение опорной точки на карте горизонтальной синхронии – времени и места, ситуацию которого (исторического времени) он собирается изучать. Он нацелен на получение новых информационных данных об этой эпохе. Ему доподлинно (если подлинность уже подтверждена) известно об этой эпохе то, что она себя обнаружила спонтанным проявлением данного эмпирического продукта человеческой деятельности (исторического источника).

Историческая география и ее перспективы особенно интересны с этих позиций, потому что они представляют собой редкий феномен эффективного, междисциплинарного по существу, взаимодействия естественных (география) и гуманитарных (история) наук, формируя особое метадисциплинарное пространство. Становится возможным определить, от каких факторов (социальных, культурных, политических, технологических) вообще зависит успех культурных инноваций, географических открытий, определение их приоритетности и распространение информации о них и каковы возможности и границы проверки достоверности соответствующих свидетельств современным исследователем, опирающимся на иную картину мира. В этой исследовательской работе важное значение имеет выявление источников – уникальных географических карт, ученых трудов и записок, журналов экспедиций, делопроизводства, раскрывающего цели и организацию путешествий или культурных заимствований, но не менее важное значение приобретают вопросы доказательной реконструкции их информации, в частности, того смысла, который вкладывали сами мореплаватели и составители географических карт в определенные понятия, символы и ценности. Этот подход делал необходимым сочетание методов источниковедческого анализа с методами культурной антропологии, лингвистики, семиотики, практически всем набором методов специальных (или «вспомогательных») исторических дисциплин¹.

¹ Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Сборник памяти О.М. Меду-

К числу ключевых проблемных областей гуманитарного познания с этих позиций должны быть отнесены: основы социальной и культурной адаптации индивида в условиях быстрых социальных изменений; конструирование информационной картины мира и социальной реальности по таким параметрам как пространство (географические рамки диалога цивилизаций), время (представления о прошлом и настоящем, основанная на них картина будущего); смысл существования (когнитивные основы мотивации поведения). Поставив вопрос о том, что такое человек, О.М. Медушевская определяла его как живую систему, которая способна превращать энергию своего мышления в материю интеллектуального продукта. И не просто способна это делать, но не может существовать иначе. Возникает вопрос о том, как человек познает свою историю, каков макрообъект истории как науки. История – эмпирическая наука и она познаваема путем обращения к целенаправленно создаваемым продуктам человеческой деятельности, выступающим в качестве исторических источников.

В рамках этой теории в трудах О.М. Медушевской завершающего периода творчества проанализированы такие проблемы, как информационный обмен; соотношение динамической и статической информации; психические параметры коммуникативного процесса и его инструментов; отчуждение информационного ресурса; когнитивные механизмы постижения смысла; фиксация информации и формирование картины мира; понимание и объяснение; значение когнитивной теории для научного сообщества и гуманитарного образования. Эти направления исследований представлены на основании широкого междисциплинарного синтеза и опираются на достижения философии, социологии, антропологии, структурной лингвистики, истории, исторической географии, источниковедения, документоведения, архивоведения и всего круга вспомогательных исторических дисциплин.

На основе теории когнитивной истории становится возможным выстраивание методов и критериев *доказательности и проверки* знания; научное конструирование – *построение модели* (схематически выраженной ситуации информационного обмена) для создания логически непротиворечивой концепции социального (историче-

ского) процесса и *прогнозирование* – аналитический вклад, в ходе которого выявляются фазы процессов, прошедших в прошлом, и просчитывается наступление последующих фаз аналогично протекающих процессов. Этот подход вполне реален в науках о природе и применим по отношению к живым системам (наукам о живом). Но он (вопреки известному неокантианскому противопоставлению номотетических и идиографических наук) осуществим и в сфере гуманитарного знания. *Познаваемость социального (исторического) процесса* определяется тем, что созданные интеллектуальные продукты выступают как неотъемлемая составляющая любой целенаправленной деятельности. Это дает истории стабильный, вещественный, доступный непосредственному изучению реальный объект, а следовательно, открывает перспективы полноценного диалога культур с позиций сравнительно-исторического, структурно-функционального и антропологического подходов в режиме настоящего времени.

В науках о человеке присутствует осознанная человеческая ориентированность на прожитый опыт, обобщенный в научном знании, и стремление избежать его негативных последствий. Человечество – открытая система и здесь возможно лишь «упреждающее прогнозирование». Эту функцию и берет на себя наука о человеке, особенно социология истории и историческая наука в ее широкой трактовке. В этом состоит значение когнитивной истории – теоретического течения современной мысли, направленного на создание стройной и логически непротиворечивой концепции социального познания.